

УДК 215

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО
СЕКТАНТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ
(философско-культурологический аспект)**

*Т.С. Оленич
Мариуполь, Украина*

Проблема оценки русского религиозного сектантства – центральная тема многочисленных теологических исследований. Русские религиозные философы, русская интеллигенция, неоднократно обращаясь к проблеме возникновения и трансформации сектантства в русском православии, переводили ее теологический анализ в психологическую плоскость. «То, что русский народ не равнодушен к духовным вопросам, достаточно доказывается тем, что у нас ежегодно возникают новые секты», – писал философ В. Соловьев в 1898 году [1]. Философ искал причину возникновения сект в «глубинах народной души». Удивительный рост сект, особенно в XIX веке, их постоянные разделения, возрождение старинных религиозных учений свидетельствуют о религиозной активности народной души. «Наиболее тяжелым последствием духовной мятежности оказывается склонность сектантов к крайним выводам, обусловленная раскованностью религиозного мышления. Русская мысль вообще имеет тенденции к безмерному радикализму, который, в конечном счете, объясняется бескомпромиссным поиском абсолютной истины» [2]. В. Соловьев указывал на опасность сект, утверждая, что это «болезнь» национальная, историческая, для лечения которой нужно найти иные, гуманные методы. В этой связи Ф. Достоевский также писал, что «русский и православный» – слова синонимы, и в другом месте, что русский без православия – «дрянь», а не человек. Н. Бердяев считал русское сектантство неотъемлемой частью и одновременно оппозицией духовной жизни русского народа: «Совсем особый духовный склад можно открыть в русском сектантстве – русскую жажду праведной жизни, жизни, освобожденной от этого мира, жажду жизни в Боге, но искаженную и болезненную. Сектантское сознание часто бывает поражено рационализмом, но велика мистическая жажда, скрытая в иных наших сектах. В сектантстве есть ограниченность и малая вместимость сознания, суженность жизненных горизонтов, дух иудейский. С этим связано самоутверждение и исключительность в психологии секты, слепота к бесконечному разнообразию мировой и исторической жизни, незнание опыта мировой культуры... Секта выделяет себя из мира, из круговорота культурной и общественно-государственной жизни» [3].

В. Розанов, анализируя основания эволюции русских сект, ввел понятие «русской веры». Это скорее «вариант» «народной веры» В. Соловьева, но разработан конкретнее. «Вера» шире православия; разницу в объеме этих понятий составляют старообрядчество и секты. «Русская вера», по В. Розанову, состоит из «странных психологических и метафизических тайн». В противоположность ей, «официальные догматики все скомпилированы с протестантских или католических ученых трудов, и немало не выражают русского церковного духа и народного религиозного мирозерцания». Сопоставляя официальную и народную религии, В. Розанов противопоставляет раскол и православие, как «активное–пассивному, речь–молчанию, движение–застою: 1) кричат–раскольни-

ки, шепчут – православные, 2) бесстрашны – гоимые, всего боятся, робки в слове и действиях – гонители, 3) всего надеются, ко всему рвутся сектанты...» [4]. Сектантство кажется мыслителю явлением «психическим», «нежели только церковным». Особый интерес вызывают у философа самые радикальные из сект – скопцы, хлысты. Считая эти секты «русским экспериментом», В. Розанов подчеркивает их метафизическое, всемирно-историческое значение: «Бездна мощи и логики, но главное бездна заблудившейся совести, положены в основание секты... это есть другой полюс не только христианства, но и других религий» [5].

Таким образом, с одной стороны, религиозные философы и богословы видели в сектантстве явление «заносное», объясняя его византийским, а затем иным зарубежным влиянием, с другой – доказывали, что секты это «духовное заболдование»; причины возникновения и трансформации русского сектантства необходимо выявлять не в условиях быта и обстоятельствах истории, а в области религиозно-нравственной психологии русского народа. Русские секты имеют особую природу и принципиальное отличие от официальной церкви – догматическое, каноническое, культовое, организационное. Они возникли как результат различного понимания и трактовки Священного Писания, Символа веры и других догматических документов. Увлечшись поиском места для утопии на родине, народ пытался реализовать в сектах основы простой, справедливой и добродетельной жизни – общинную собственность на землю, отказ от насилия, особый семейный уклад, вплоть до полного отказа от секса. Все эти люди со странными названиями – «хлысты, скопцы, прыгуны, дурмаповцы, шелапуты, молчальники» – и были народом: христианами по вере и, как правило, крестьянами по способу существования. Комбинация национализма, экзотизма давала шанс для патриотической утопии. В сектах народ находил ответы на те же вопросы русской жизни, на которых сосредотачивались интеллигентские салоны и политические партии. Трансформация русского сектантства – закономерный процесс, имеющий социокультурное основание. Смена его форм обусловлена сложным процессом складывания духовной сферы, культурными влияниями, изменениями, заимствованиями и синкретизацией разнообразных элементов и специфически отражает процесс изменения самого общества. Реформирование и либерализация Российской империи существенно повлияли на природу русских сект. В этой связи изменяется методология их классификации: они начинают подразделяться не по вероучительным, а по «политическим признакам» – одни ориентированы на блаженство лишь в будущей жизни; другие ждут торжества в этой жизни и приобретают «политический характер» (хлысты, бегуны и скопцы стали относиться ко второй, политической части раскола», так как выступали против «земного правительства»). В данный период обозначается историческая обреченность самобытного «старого» сектантства. Идея «Третьего Рима», актуальная в русской религиозной философии, нашла отражение в вероучении русских сект. Таким образом, в России секты не были явлением аномальным, но религиозное инакомыслие приняло необычайно радикальный характер. Оно породило уникальные идеи и формы жизни, но так и не сумело войти в основное тело культуры. Сектанты исповедовали веру в «особенного национального Спасителя», применяли тайные оппозиционные способы коллективной жизни, зачастую объявляли царя антихристом, а конец света уже наступившим. Изменение вектора развития культуры неизбежно приводит к трансформации религиозных форм русского сектантства, что отражается в идеологии и практике сектантства, которое первым своеобразно концентрирует в себе новые культурные перемены (инновации) и за-

росы эпохи, становясь своеобразными «культурными пионерами», а в некоторых случаях культурными катализаторами (так, мистические секты во многом предопределили возникновение русского религиозного ренессанса конца XIX века – начала XX века, оказали мощное влияние на русских религиозных философов – В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Булгакова).

Список литературы

1. Цит по: Смолич И.К. История русской церкви. – М.: 1997. – Т. 8 (2). – С.165.
2. Цит по: Смолич И.К. История русской церкви. – М.: 1997. – Т. 8 (2). – С.166.
3. *Бердяев Н.А.* Духовное христианство и сектантство в России. – Т. 3. – М.: 1989. – С.448.
4. *Розанов В.* Русская Церковь // В темных религиозных лучах. – М.: 1994. – С.13–14.
5. *Розанов В.* Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы). – СПб.: 1914. – С.175–178.

УДК 11

ЛЕВ ШЕСТОВ О ПРЕОДОЛЕНИИ МЕТАФИЗИКИ

В.В. Прокопенко
Харьков, Украина

Кризис системосозидающей философии к началу XX века стал очевидным фактом; развернулось широкое антиметафизическое движение, целью которого было окончательное устранение «первой философии», по крайней мере, – в прежней её форме. Список имён здесь был бы вряд ли уместен в силу своей протяжённости – начатый ещё Кантом, Шопенгауэром и Ницше, он включает многих, и в начале XXI века всё ещё не завершён. Однако Лев Шестов в этом ряду не только не теряется, но и занимает совершенно особое место.

По большому счёту, критика метафизического разума для Л. Шестова является не просто важной темой, это – **единственная** тема его творчества (сам Шестов признавал, что «на меня сердятся за то, что будто я всё об одном и том же говорю»). Вне зависимости от сюжета и действующих лиц (Шекспир, В. Соловьёв, И. Тургенев, Сократ и Аристотель...) Шестов говорит об одном – о свободе от самого сурового принуждения, принуждения со стороны Единого Абсолютного Истинного Разума. И постепенно складывается ряд имён ключевых в теме разоблачения поработавшей истины: Парменид, Сократ, Аристотель, Спиноза, Гегель.

«Скованный» Парменид, действительно, – ключевая фигура в становлении европейской метафизики. Вспомним Гегеля: «Один человек здесь освобождает себя от всех представлений и мнений, отказывает им в какой бы то ни было доле истинности и говорит: лишь необходимость, бытие представляют собой истинное. Это начало, правда, ещё смутно и неопределённо, и нужно объяснить, далее, то, что в нём содержится, по это объяснение и есть именно эволюция самой философии...» [1, с.223]. Шестов подчёркивает у Парменида ключевое понятие метафизики – «Единое» (ἕν), которое скрывает в себе тайну всей метафизической конструкции, хотя бы, в силу того, что тайну составляет происхождение самого Единого: «Как бы все расхохотались, если бы догматик,